

Отец Халявы

Член Союза художников России, главный художник Театра кукол Дмитрий Бобрович известен в УлГУ в первую очередь, как автор памятника помощнице студентов – одной из главных достопримечательностей городка на Набережной Свияги.

Участник многочисленных выставок, Бобрович успешно представлял Ульяновск в городах России и за рубежом. Сегодня новые экспозиции его работ можно увидеть в музеях "Симбирское купечество" и "Дом-ателье архитектора Ф. О. Ливчака". На них представлены эскизы, декорации, куклы-персонажи и элементы костюмов спектаклей "Прекрасная царевна и счастливый карла" по сказке Карамзина, "Как обрести друга (Бука)", "Розовый змей", "Мнимый больной", "Карлик Нос" и других. "Вестник" узнал у Дмитрия Сергеевича о мистике кукол и новых задумках.

– Как начиналось ваше увлечение куклами? Не говорили ли вам в самом начале пути, что это несерьезное занятие?

– Я осознанно занимался рисованием с семи лет. Очень важную роль в творческом становлении сыграли родители, которые серьезно отнеслись к моим увлечениям, отправили в художественную школу и всегда поддерживали.

– В вашей работе достаточно творческой свободы?

– Театр кукол дает мне много возможностей. В каждом спектакле я нахожу что-то для себя. Иначе неинтересно делать,

например, явно детскую постановку. А ведь работа над ней может занимать много месяцев.

Один из самых популярных детских спектаклей "Бука" ставится во многих театрах уже сорок лет. Когда его показ решили возобновить в нашем театре, я стал искать новые решения. По пьесе все прописано очень четко, но мне неинтересно делать так же, как делали до меня. Я видел несколько исполнений этого спектакля, близких по оформлению, и повторяться не хотелось. "Бука" был поставлен в стиле стим-панк.

– А что еще можно открыть для себя в детских спектаклях?

– Простоту, искренность. Во время интерактивных постановок дети выходят на сцену и знакомятся с куклами, искренне верят в то, что они живые. Я вспоминаю свое детство, как слушал пластинки со сказками. Сравниваю с современными аудиокнигами и понимаю, насколько качественно все делалось тогда. Лучшие актеры читали детям сказки, специально создавалась музыка. Думаю, нужно продолжать творить для детей на подобном уровне. Волшебство хочется сделать технически сложным, чтобы в него действительно можно было поверить.

– Как вам удается "оживить" кукол?

– Все начинается с зарисовки и обсуждения с режиссером. Бывает, что мы очень долго не находим общий язык. В процессе "оживления" задействован большой коллектив. Иногда персонаж не складывается до последнего. Но может быть и наоборот. В леп-

ке зачастую материал сам подстраивает характер персонажа и его черты, заранее набросанный эскиз уходит на второй план.

– Вы когда-нибудь находили в природе черты, которые перенесли на куклу, стремясь отразить ее характер?

– Да, и особенно в случае спектакля "Прощание с Матёрой". Для меня это был очень тяжелый материал, я до последнего не видел, как его воплотить в Театре кукол. Да и многие характеры, прописанные автором повести, казались мне не живыми, не настоящими. Помогла природа. Я гулял по садам и наблюдал за деревьями. Увидел одного из персонажей в сломанной яблоне, на которой висели сгнившие плоды. Получился очень интересный образ. Еще одного героя

"разглядел" в старой советской мясорубке, обнаруженной на развалах. Изготовили его сразу, без эскиза. В целом спектакль строился на древесных образах. Мне не хотелось делать деревянные скульптуры, похожие на те, которые обычно ставят в парках. Эти фигуры слишком статичны, в них нет жизни. Я искал решения, случайные срезы, через которые казалось бы, что лицо персонажа рождено самой природой.

– Как вы думаете, могут ли лица людей в точности отражать характер, как у кукол?

– У всех по-разному. Иногда списываю черты реальных людей, но бывает и так, что лицо несколько не отражает характер человека. Куклы статичны в своей эмоции, состоянии, а человек в постоянном движении. Куклам делают обычно маленькие затылки, потому что они не несут в себе никакой смысловой нагрузки, и большие носы.

– Продолжается ли жизнь кукол после того, как спектакль отыгран?

– Я очень переживаю, когда после спектакля актеры неаккуратно складывают кукол и уходят. Бывает такое неуважительное отношение, и это всегда болезненно. Думаю, между собой куклы продолжают взаимодействовать вне рамок спектакля. Все-таки вдыхаешь в них жизнь, наделяешь какой-то энергией. Бывают неожиданные совпадения. Продумываешь внешность персонажа в соответствии с его характером, лицо, прическу... А потом знакомишься с таким человеком. Был странный случай, когда я ставил "Пиковую даму". Мне нравится музыка "Агаты Кристи", и весь антураж спектакля я придумывал под нее. А потом пришло решение сделать главного героя – Германа – похожим на вокалиста "Агаты Кристи" Глеба Самойлова. Началась работа над костюмами. Я нарисовал эскизы, зарядил в цеха... И вдруг увидел в Интернете кадры из нового клипа Самойлова, на которых он был в очень схожей одежде.

А когда я ставил спектакль в Дагестане и привез туда эскизы, работники цехов спрашивали, откуда я знаю их родственников. Иногда выходит, что сделанная кукла очень похожа на актера, хотя ты не знал, кто именно будет ее водить.

– Как происходит сближение актера с куклой?

– Известный режиссер-кукольник Станислав Железкин говорит,

что кукла начинает слушаться актера лишь на десятый день. Действительно, ее нужно исследовать, понять все механизмы. Искать перед зеркалом движения, походку, эффектные ракурсы. Вопреки этому, в некоторых театрах актер берет куклу и, не познакомившись с ней, не рассмотрев, идет на сцену. Часто мы приходим из цехов и просим актера, чтоб они использовали механику, показываем им, как это сделать. Но в Мытищах, например, где очень известный кукольный театр, нет бутафорских цехов, и актеры настолько профессиональны, что сами чинят кукол, исправляют повреждения, иногда даже дорабатывают. Относятся к ним уважительно. Это, конечно, накладывает отпечаток. И у них один актерский состав, поэтому куклу ведет один и тот же человек. Даже есть такое поверье, что если твоей куклой кто-то поводил, она больше не будет тебя слушаться. Там не встретишь актера, который не выучил слова и репетирует с текстом в одной руке и с куклой в другой.

– Как создавался эскиз памятника "Халява"?

– Это был совместный проект с краеведом Сергеем Борисовичем Петровым. Он пояснил мне, что слово "халява" означает "молоко для бедных" на древнееврейском. Этот смысл сложился с поверьем, что халява должна влетать в форточку. Предложения были разные, а мне хотелось сделать что-то близкое к языческому божеству. Установка памятника вы-

звала резонанс – в других университетах тоже начали появляться символы халявы – форточки, зачетки... Сейчас у нас с Сергеем Борисовичем новая совместная идея. Он предлагает мне заняться куклой Халявой, которая будет показывать сюжеты на злобу дня. Ей, как Петрушке, дозволяется все говорить. Для нее нет цензуры, и она никого не боится. Механику куклы мы еще не обговаривали и пока не искали человека, который стал бы водить ее, но, думаю, все впереди...

Елена ПЛОТНИКОВА.

Кстати

– Говорящая кукла Халява, – пояснил краевед Сергей Петров, – должна стать новым словом в отечественной культуре. Она будет сочетать черты простодушной наивной девицы-волшебницы, юрдивой в своей правдивости, говорящей то, о чем все предпочитают помалкивать. Гротескно хвалит всех бездельников, лентяев, тунеядцев, проныр, тем самым их обличая. Вместе с тем Халява будет легко поддаваться на уловки студентов: клевать крошки в зачетках, оказываться в холодильнике до начала экзаменов. Монологи Халявы на злобу дня будут сочетаться со смешными и вместе с тем философскими рассуждениями. С Халявой можно будет вести острые и веселые диалоги во время КВН. В XIX в. была создана литературная маска – Козьма Прутков. Для успеха идеи можно для начала использовать сочинения состоявшихся сатириков, а затем сплотить группу одаренных сатириков – наших современников. Так, что кукла Халява – это проект на вырост.

